

*Археологические параллели одному
изобразительному мотиву в искусстве ранних
кочевников Евразии*

Чугунов К.В. (Россия)

В греко-скифском искусстве Северного Причерноморья и в искусстве восточных регионов степной Евразии встречается мотив отдельно висящего горита или колчана. На особое семантическое значение

86

этого вооружения указывают находки миниатюрных бронзовых подвесок в виде лука или горита (Дэвлет, 1966). Д.А.Мачинский, анализируя изображение на золотой пекторали из Толстой Могилы, предложил гипотезу о посвящении этого предмета скифской богине Аргимпасе. Центральная сцена пекторали два скифа, занимающихся шитьем, и висящий над ними горит - трактуется как изображение энареев, известных из античных текстов. Соответственно объясняется и сюжет парных блях из Сибирской коллекции Петра 1, где также присутствует горит, висящий на дереве (Мачинский, 1978). Круг аналогий можно расширить, упомянув каменный рельеф из Трехбратнего кургана с семантически сходным сюжетом и изображением висящего колчана.

Реконструируя церемонию погребального обряда в Толстой Могиле, Д.А. Мачинский предполагает, что найденные в дромосе мужской боевой пояс с колчаном, мечем и ножом и "женский набор" - колчан, пектораль и нож висели при входе в погребальную камеру, олицетворяя присутствие пары скифских божеств - Ареса и Аргимпасы.

В связи с вышеизложенным интересны некоторые аналогии причерноморским ритуалам, зафиксированные при исследовании погребений скифского времени в Туве.

В 1994 году на могильнике Дөгээ-Баары II на правом берегу р.Бий-Хем (Большой Енисей) Центрально-Азиатской экспедицией под руководством автора исследован курган 19. Центральная могила содержала квадратный сруб, ограбленный в древности. По сохранившимся *in situ* костям реконструируется размещение двух погребенных. Погребальная поза обычна для памятников скифского времени этого региона - на левом боку с согнутыми ногами, головой на СЗ. В центре сруба лежала женщина 50-55 лет, между ней и СВ стенкой - мужчина 35-45 лет. На мужском черепе местами сохранился кожный покров, на котором были зафиксированы следы красной краски - извилистые и прямые параллельные линии. Участок пола за головами погребенных оказался не потревоженным. Там стояли шесть деревянных сосудов. Поверх них лежали остатки двух колчанов - один в заднем углу, другой по центральной оси сруба. Рядом с центральным колчаном найдены фрагменты широкого кожаного пояса с бронзовой портупейной обоймой, полусферической бляхой и застежкой из клыка кабана. Над поясом под верхним (четвертым) венцом сруба зафиксирована вставленная между бревнами доска и зажатый ею колчаный крюк. Такое расположение находок позволяет утверждать, что пояс с

колчаном висел на стенке погребальной камеры над головами погребенных. Второй колчан также вероятно был подвешен - об этом говорит его расположение поверх деревянных сосудов.

Уникальная ситуация, зафиксированная *in situ* в рассмотренном комплексе, позволила проследить серию аналогичных ритуальных действий в ранее исследованных памятниках Тувы. Остатки колчанов и поясные бляхи встречены за головами погребенных в нескольких неограбленных срубах известного могильника Саглы-Бажи II (Грач, 1980). В кургане 3, с двумя мужскими захоронениями (возраст около 50 и около 30 лет), два колчаных набора с остатками ремней зафиксированы за черепами под СЗ стеной погребальной камеры. Отметим, что оба погребенных были сопровождаемы кинжалами и зеркалами. Одному из них среди прочего был положен еще гребень и модель раковины каури - предметы, характерные для женского погребального инвентаря, другой имел на поясе бронзовую бляху с изображением львицы.

В кургане 8 того же могильника исследованно коллективное погребение четырех взрослых мужчин (20-25 лет, 50-55 лет, около 50 лет, ?) и троих детей. Под бревном СЗ стенки зафиксированы остатки двух колчанов. Трое погребенных снабжены наборами оружия, у одного из них зеркало и замечательные роговые накладки с резными изображениями лошадей с вывернутым крупом и архаров с подогнутыми ногами. Примечательно, что в срубе оставлено свободное место в северном углу и между брусьев СВ стенки зафиксирован кинжал в деревянных фигурных ножнах.

Ряд можно продолжить, т.к. аналогичное расположение стрел встречено и в других комплексах. При этом необходимо отметить, что в Туве известно большое количество находок колчаных наборов, расположенных в районе пояса погребенного, т.е. там, где их традиционно носили.

Интересный непотревоженный комплекс, где сочетаются обе традиции, исследован в могильнике Чинге II в кургане 16 (раскопки И.У.Самбу, 1974). Здесь, под каменно-земляным наземным сооружением, в яме с уступом расчищен прямоугольный сруб, перекрытый двойным накатом бревен. В нем находилось погребение мужчины (?), перед грудью которого на полу у стенки сруба стоял череп и лежали два ножа. В районе таза - бронзовый кинжал с ножом в общих ножнах, за ними - остатки горига. Фрагменты второго лука и еще один комплект стрел найдены под стенкой сруба в головах. На чертеже вид-

но, что этот горит частично перекрывал череп погребенного, т.е. упал со стены после завершения погребального обряда.

Надо отметить, что в погребальном обряде раннескифского времени Тувы зафиксированы остатки колчанов только в районе пояса. Также традиционно расположение колчанов и горитов в курганах пазырыкской культуры Алтая, в погребальном обряде савроматов. Археологические параллели отраженному в искусстве ранних кочевников ритуалу подвешивания колчана или горита мы находим только в уюкско-саглыньских комплексах Тувы. Возможно, что такое же ритуально значимое размещение символического оружия было в некоторых "царских" курганах в степной Скифии (Чертомлык, Толстая Могила). В рядовых скифских захоронениях подобная традиция не зафиксирована.

Мотив подвешенного колчана или горита, на парадных скифских предметах, говорит об особом значении этого обряда для причерноморского региона. В Центральной Азии этот ритуал фиксируется в памятниках рядовых кочевников. Возвращаясь к гипотезе Д.А. Мачинского, отметим, что связан он, в основном, с мужскими захоронениями. В некоторых комплексах при этом фиксируются нестандартные наборы сопроводительного инвентаря. Исходя из этого, можно предположить особое (но не элитарное) положение погребенных с совершением ритуала подвешивания колчана. Элитарность и, как следствие, определенная сакрализованная архаичность обряда причерноморских памятников в сочетании с отсутствием местной подосновы может говорить о генезисе ритуала вне Скифии.

Тувинские памятники, где зафиксировано широкое распространение ритуала в среде рядовых кочевников, могут указывать на центральноазиатское происхождение обряда подвешивания горита или колчана, нашедшего свое отражение в греко-скифском искусстве европейской Скифии.